

Гласность в Глазове начиналась так ...

Автор **Шулятиков Владимир Игоревич**.

Опубликовано в газете "Красное знамя" 1988 год, 19 июля. No114 (9595), стр. 3, город Глазов, Удмуртской АССР.

Сохранились свидетельства 120-летней давности. Сохранились свидетельства противников и сторонников: во-первых, тех кому гласность была невыгодна и во-вторых кто в нее верил и ощутил на себе. В те далекие годы инициатором гласности в Глазове выступил мой прадед - Михаил Иванович Шулятиков.

Шестидесятые годы прошлого века ознаменованы отменой крепостного права и возникновением первых народных выборных органов в России.

"...По открытии в Вятской губернии земских учреждений Шулятиков служил секретарем в глазовской уездной земской управе, но по оказанию вредного влияния на Председателя и членов оной от должности этой уволен был официальным образом, но продолжал заниматься в управе, так, что все бумаги управы, противодействующие распоряжениям местной власти, выходили по мысли Шулятикова и таким действиям управы он стремился придать гласность, усвоив себе ложный и вредный взгляд на дело, воображая что земство есть такое учреждение действия которых каковы бы они не были, не подлежат ни малейшему контролю со стороны Правительственных властей и высказывал не повиновение последним..." Так писал Вятский губернатор своему Олонецкому коллеге. В январе 1870 года Министр внутренних дел Российской империи избавил Глазов от бывшего студента, выдворив его в Костромскую губернию. Наступил конец так неожиданно начавшейся гласности в Глазове.

О том, что успел сделать за короткий первый год гласности Михаил Шулятиков описано в статье "Вятского края" (1897г., No 71,стр.2) посвященной открытию в Глазове библиотеки-читальни имени Шулятикова.

"...Михаил Иванович так кстати явившийся на свою родину ...был (в управе -авт.) незаменимый человек. Официально или неофициально он занимал ....должность секретаря управы. Всякий знает, что у нас везде даже и ныне не тот создает или больше других работает, кто официально стоит впереди; в большинстве случаев, если не всегда, всякое дело, в особенности новое выносятся на плечах какого-нибудь третьестепенного и часто совсем безвестного труженика, о котором редко потом даже и вспоминают. Так и в глазовской земской управе первая строительная и творческая работа выпала на юного недоучку студента, принесшего сюда, вместо практических знаний и опыта, лишь горячее желание быть полезным родине. Я, конечно, всего менее могу сказать, что либо определенное о том, как и что он делал в управе, но могу говорить лишь о результатах произведенного им влияния даже на практиков. Сухие и черствые лавочки и кабатчики вдруг заговорили о необходимости учить и лечить народ: попавшие в земство, недоступные до того чиновники являли образцы вежливого и товарищеского обхождения. Для нас, ребят, эти исправники и лесничие, о которых прежде мы знали только по наслышке, теперь сделались обыкновенными людьми, которых мы уже не обегали при встречах на улицах. Если ныне вековой наш недуг "начальствования" опять снова начинает заползать в сердца невежественной канцелярской мелкоты, то прежде с появлением земства и судебно-мировых учреждений замечалась другая крайность, - тогда многие добивались, как честь попасть на земскую службу. Опять повторяю, как и чем это влияние распространилось тогда в Глазове, - я не знаю, но источник этого влияния я чувствовал....." Подводя итоги в большой статье неизвестный "Глазовец" писал : "В мимолетном появлении на глазовском горизонте Михаила Ивановича оставившего после себя такую светлую полосу и создавшего надолго всему глазовскому земству репутацию передового среди русских и вятских собратьев. Здесь мы несомненно имеем дело с началом того интересного исторического момента, который обыкновенно называется сменой идей, поворотом в общественной мысли. Эта смена, этот поворот для Глазова начались с появления земства, бродилом и дрожжами для которого послужил случайно явившийся студент юноша.

В память этого юноши, которая только и сохранилась у его земляков, глазовцы и открывают народную читальню, и я думаю, что это лучший способ для увековечения памяти первого идеалиста о народе из глазовцев."

Когда читаешь строки забытого послания написанные эзоповским, подцензурным языком для нашего и будущего поколения девяносто лет назад невольно сравниваешь обстановку сегодняшней перестройки с событиями сто двадцати летней давности. Гласность и демократия, потребность народа